
Искэндэр Ясавеев

РИТОРИКА КОНТРОЛИРУЕМОГО БЕДСТВИЯ: СПЕЦИФИКА КОНСТРУИРОВАНИЯ ФСКН ПРОБЛЕМЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИКОВ

В статье представлены результаты исследования риторики Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков России (ФСКН). Конструкционистские работы показывают, что силовые ведомства занимаются тонкой риторической игрой, одновременно демонстрируя как непреходящее значение «своей» проблемы, так и успешность ведомственных действий. В статье раскрывается, каким образом данная «двойная задача» решается ФСКН, как служба совмещает демонстрацию тяжести ситуации с потреблением наркотиков, которой она занимается, и собственной эффективности. В фокусе внимания находятся выступления и интервью директора ФСКН Виктора Иванова с января 2013 по декабрь 2014 г. Выявленные на основе конструкционистской исследовательской программы Питера Ибарры и Джона Китсьюза черты риторики ведомства – характерная терминология, формирующая образ катастрофы, и представление наркотиков как мегапроблемы, порождающей преступность, экстремизм, терроризм, пиратство и др., – позволяют утверждать, что федеральная служба использует риторическую идиому бедствия. ФСКН создала особый словарь, конструирующий катастрофический характер ситуации с потреблением наркотиков: «синтетическое цунами», «амфетаминовое цунами», «героиновое цунами», «нарковулкан», «героиновый вулкан», «губительная наркотическая лава», «наркомонстр», «угроза номер один для Российской Федерации», «героиновая агрессия против населения России», «гигантская армия наркопотребителей», «планетарный наркофеномен», «10-балльный шторм синтетических наркотиков», «маковое нашествие» и так далее. При этом ФСКН

Искэндэр Габдрахманович Ясавеев – д.с.н., старший научный сотрудник Центра молодежных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в Санкт-Петербурге, Россия. Электронная почта: yasaveyev@gmail.com

использует образы как природных бедствий (цунами, извержение вулкана, наводнение), так и техногенных (применение оружия массового поражения – химического и ядерного). Однако необходимость демонстрации собственной эффективности способствует трансформации данной идиомы в риторику «контролируемого бедствия». Постоянным приемом, используемым директором ФСКН, является информирование об успехах службы непосредственно до или после заявлений о «надвигающейся опасности», «нарастающем масштабе», «крайней напряженности», «тяжести», «крайней остроте» ситуации. Для выступлений и интервью главы ведомства характерен также акцент на необходимости финансирования, связываемой со значимостью проблемы. При этом продвигаемые службой мегапроекты предполагают не только значительные масштабы финансирования, но и полный контроль ФСКН за сферой реабилитации людей, зависимых от наркотиков. Риторика контролируемого бедствия, представляющая ситуацию как катастрофическую и в то же время успешно удерживаемую под контролем, служит основанием для притязаний на расширение полномочий и финансирования.

Ключевые слова: конструкционизм, социальные проблемы, выдвижение требований, риторика, потребление наркотиков

Исследователи социальных проблем утверждают, что силовые ведомства, отвечающие за «решение» какой-либо проблемы, могут быть не заинтересованы не только в устранении проблемной ситуации, но и в существенном сокращении ее масштаба. Как отмечает Говард Беккер, персонал таких организаций выстраивает карьеру на основе «своей» проблемы, и все, что угрожает ее существованию, является угрозой и для него:

Силовые организации, особенно когда они изыскивают финансовые средства, как правило, используют два типа заявлений, переходя от одного к другому. Во-первых, они заявляют, что благодаря их усилиям проблема, которой они занимаются, приближается к решению. Но в то же самое время они утверждают, что положение дел, возможно, хуже, чем ранее (хотя это не их вина), и существует необходимость в новых и все более интенсивных усилиях по удержанию ситуации под контролем (Becker 1963: 157)¹.

Руководители и пресс-службы силовых ведомств занимаются тонкой риторической игрой, одновременно демонстрируя как непреходящее значение «своей» проблемы, так и успешность ведомственных действий.

Исследовательская проблема заключается в вопросе о том, каким образом – посредством каких риторических ходов – данная «двойная задача» решается Федеральной службой по контролю за оборотом наркотиков России (ФСКН), как служба совмещает демонстрацию, с одной стороны, собственной

¹ Здесь и далее перевод автора.

эффективности, а с другой, величины «наркопроблемы», которой она занимается. Анализ риторики ФСКН является первым этапом исследования способов проблематизации и депроблематизации ситуаций, используемых силовыми ведомствами в России. На наш взгляд, результаты исследования могут способствовать пониманию трансформации социальных проблем на стадии институционализации, а также действий властных структур, использующих социальные проблемы в собственных интересах.

Риторические игры в социальные проблемы

Отправной точкой данной работы являются идеи Говарда Беккера о стадии институционализации в развитии социальной проблемы, на которой ответственность за ситуацию принимает на себя новая (специально созданная) или уже существующая организация (Becker 1966). Особенность данной стадии, по мнению Беккера, заключается в том, что сотрудники правоприменительных ведомств строят карьеру на основе неустранимости проблемы (Becker 1966: 13). Они оказываются перед «двойной задачей» в стремлении оправдать существование своих позиций. С одной стороны, они должны демонстрировать, что «их» проблема по-прежнему является очень «серьезной». С другой стороны, необходимо показывать, что предпринимаемые ими усилия по изменению ситуации эффективны (Becker 1963: 157).

Подобные практики Джозеф Гасфилд называет «собственностью на проблему» (Gusfield 1981; Gusfield 1989). Под «собственностью» понимается способность создавать и навязывать публичное определение проблемы (Gusfield 1981: 10), влиять на использование законов, правоприменения и пр. для разрешения проблемы (Gusfield 1989: 433). По его словам, в ряде исследований был задокументирован приоритет институционального самосохранения в поведении организаций, занимающихся социальными проблемами (Gusfield 1989: 436).

Крейг Рейнерман и Гарри Левин, изучавшие панику по поводу «эпидемии крэк-кокаина, угрожающей целому поколению американской молодежи», связывали этот феномен с интересами различных групп политической элиты (Reinarman, Levine 1997).

Использование проблемы наркотиков в качестве источника материальных и символических ресурсов высвечивают Нильс Кристи и Кеттиль Бруун (Кристи, Бруун 2004):

Удобный враг – это тот, кто никогда не умирает. Генералы стремятся к победам, но далеко не всегда – к миру. Если потери войны не особенно велики, лучше всего постоянно поддерживать теплящийся огонь войны и по мере сил отдалять полную капитуляцию противника. В стратегическом плане это осуществляется следующим образом: постоянно сообщается о военных успехах и небольших победах, но враг настолько могуществен и хитер, что опасность для отечества по-прежнему сохраняется.

Чтобы добиться еще больших успехов в войне, генералам необходимо добавить ресурсов в виде материальных средств и чрезвычайных полномочий (Кристи, Бруун 2004: 63–64).

Представленное исследование выполнено в рамках конструкционистского подхода к социальным проблемам как к выдвижению требований изменения (Spector, Kitsuse 1977; Ибарра, Китсьюз 2007; Полач 2010). Социальные проблемы, с этой точки зрения, существуют только в том случае, если индивиды и группы требуют изменить положение дел. Социальные проблемы, утверждают конструкционисты, суть требования (*claims-making*). В отличие от контекстуальной версии конструкционистского подхода (Бест 2001; Бест 2007), строгий конструкционизм отказывается от каких-либо предположений об онтологическом статусе (существовании, масштабе и пр.) ситуаций, относительно которых выдвигаются требования изменения, и сосредоточивается исключительно на анализе риторики требовательного характера.

Теоретическим основанием работы является исследовательская программа Питера Ибарры и Джона Китсьюза, высвечивающая четыре измерения конструирования социальных проблем: риторические идиомы, контрриторические стратегии, лейтмотивы и стили выдвижения требований (Ибарра, Китсьюз 2007). Ученые указывают, что одной из задач социального конструкционизма является объяснение применения риторических идиом – способов, посредством которых достигается проблематичный статус чего-либо. Риторические идиомы обеспечивают участников дискурсивными материалами, позволяющими структурировать и придавать безотлагательный характер их требованиям (Ибарра, Китсьюз 2007: 73). Авторы описывают такие идиомы, как риторика утраты, риторика наделения правом, риторика опасности, риторика неразумности и риторика бедствия. Каждая из них обладает соответствующим словарем. Так, ключевыми для риторики утраты являются термины «красота», «природа», «наследие», «культура», «загрязнение», «упадок», «защита». Участники, использующие данную идиому, принимают образ «хранителей или защитников некоторого уникального или священного предмета или качества», который или которое оказывается под угрозой. При этом, как правило, делаются ссылки на ответственность перед будущими поколениями (Ибарра, Китсьюз 2007: 74–75).

Риторика наделения правом подчеркивает значение обеспечения всех равными правами и возможностями. Она выражает настроения эгалитаризма и используется для проблематизации тех или иных форм дискриминации. Словарь данной идиомы состоит из таких терминов, как «нетерпимость», «угнетение», «сексизм», «расизм», «эйджизм», «жизненный стиль», «различия», «выбор», «терпимость», «предоставление возможностей», «мультикультурный» и др. Основная идея в том, что чем шире принципы терпимости, справедливости, равноправия, уважения человеческого достоинства распространены в обществе, тем выгоднее его членам (Ибарра, Китсьюз 2007: 77).

Риторика опасности применяется к ситуациям, которые представляются как угроза здоровью и безопасности людей. Словарь данной идиомы включает в себя термины «болезнь», «патология», «эпидемия», «риск», «заражение», «угроза здоровью», «профилактика». Ибарра и Китсьюз отмечают, что требования в формате риторики опасности имеют наибольший идиоматический эффект, когда они выражены в научном стиле и с применением научной аргументации (Ибарра, Китсьюз 2007: 79–80).

При проблематизации эксплуатации, манипулирования, «промывания мозгов» используется риторика неразумности с ключевыми терминами «наивность», «доверчивость», «необразованность», «уязвимость», «легкая добыча» (Ибарра, Китсьюз 2007: 80–82).

Наконец, риторика бедствия состоит из метафор и практик аргументации, актуализирующих образ катастрофы. Участники, выдвигающие требования с использованием данной идиомы, могут представлять «свою» проблему как основополагающую по отношению к целому ряду других (проблема А порождает проблемы B, C, D).

Идиоматическое выражение «кризис икс» будет пониматься как указание на то, что невнимание к данному условию приведет к возникновению других проблем в геометрической прогрессии или к обострению существующих до состояния неразрешимости (Ибарра, Китсьюз 2007: 83).

Конструкционисты отмечают, что этот способ конструирования проблемы может быть наиболее значимым в условиях перегруженности внимания, являющейся результатом интенсивной конкуренции между требованиями за то, чтобы быть замеченными. Требование, выраженное посредством данной риторической идиомы, может удостоиться серьезного и продолжительного внимания со стороны прессы или быть бесцеремонно отвергнуто вследствие того, что его могут посчитать проявлением истеричности или одержимости тех, кто конструирует проблему, используя образы бедствия (Ибарра, Китсьюз 2007: 82–83).

В России конструкционистский подход и дискурс-анализ в отношении проблемы наркотиков применяли Анна Яковлева (Яковлева 2014) и Петр Мейлахс (Мейлахс 2004). Яковлева, проанализировав визуальную социальную рекламу в Санкт-Петербурге, делает вывод о том, что транслируемые в антинаркотических плакатах сообщения являются частью дискурса государственной власти о наркополитике, в частности «войны с наркотиками». Мейлахс, отмечая полезность методологического инструментария Ибарры и Китсьюза, утверждает, что риторика катастрофы (бедствия) в отношении ситуации с наркотиками была одной из мобилизационных стратегий СМИ. Российские конструкционисты использовали исследовательскую программу Ибарры и Китсьюза при анализе таких проблем, как экстазия, гламур, насилие в полиции и местах лишения свободы (Богомягкова 2010; Ним 2010; Кольцова, Ясавеев 2013).

Опираясь на программу Ибарры и Китсьюза, мы можем сформулировать ряд исследовательских вопросов: какие риторические идиомы использует Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков, какие риторические ходы являются для нее типичными, каким словарем она оперирует, из какой профессиональной области заимствованы данные термины (армия, спецслужбы, медицина, экономика), каким риторическим идиомам они соответствуют, каким образом ведомство трансформирует используемые риторические идиомы?

В рамках нашего исследования анализировались тексты выступлений главы ФСКН России Виктора Иванова, размещенные на сайте ведомства (*fskn.ru*). Именно руководитель ФСКН – автор риторики ведомства. Его заместители значительно реже появляются в публичном пространстве, а сообщения пресс-службы обезличены и, как правило, касаются конкретных инцидентов.

С целью выявления особенностей ведомственной риторики мы проанализировали публичные выступления и интервью главы ФСКН с января 2013 по декабрь 2014 г. Число исследованных текстов составило 72. Двухлетняя продолжительность изучаемого периода была определена непосредственно в ходе исследования, осуществлявшегося в обратном хронологическом порядке. Обнаружилось, что риторика главы ведомства за это время не менялась. Внимание сосредоточивалось на терминологии, позволяющей определить тип используемых риторических идиом, стратегиях конструирования проблемы потребления наркотиков, применяемых главой ФСКН, а также способах решения «двойной задачи»: демонстрации высокой эффективности ведомства и вместе с тем неумещающего значения «приватизированной» проблемы – оценках ее масштаба, динамики, последствий.

Ниже, после цитат из выступлений Виктора Иванова, в скобках указывается их дата, позволяющая найти эти тексты на сайте службы.

«Масштабы наркотрагедии в стране являются поистине апокалиптическими»: игры ФСКН в числа

Ключевой элемент риторики ФСКН – оперирование числами, демонстрирующее, во-первых, точное знание ведомства о ситуации, а, во-вторых, масштаб проблемы. Именно ФСКН создала конструкцию, согласно которой в России до 8,5 млн потребителей наркотиков. Формулируется это следующим образом:

По данным мониторинга наркоситуации, проведенного в прошлом году, в России насчитывается до 8,5 миллионов лиц с разной степенью регулярности употребляющих наркотики – это около 6% населения страны (12.03.2013).

Между тем, как следует из выступлений Иванова, «социологические» исследования, которые позволили произвести это число, проводились ФСКН по собственной методике: «мы разработали систему мониторинга наркоситуации» (25.02.2014). При этом ни разу в течение двух лет глава службы не коснулся вопросов методологии исследования – ключевого момента, определяющего доверие к исследовательским данным, предлагая поверить ему на слово, что данные ФСКН – это «социологически точная и достоверная реальность наркомании» (02.12.2013).

Обращает внимание противоречивость оценок числа «наркопотребителей». В одних выступлениях Иванов говорит о восьми миллионах, в других – о трех: «На сегодня не менее 3 миллионов преимущественно молодых граждан России регулярно употребляют наркотики» (16.11.2013). А после присоединения Крыма директор ФСКН заявил: «Наркоситуация в Крыму характеризуется как тяжёлая, что определяется количеством наркопотребителей на 100 тысяч населения – 700 человек, что почти в два раза выше, чем в среднем по Российской Федерации» (02.04.2014). Это означает, что в России около 350 «наркопотребителей» на 100 тыс. населения, то есть 0,35%. Каким образом это соотносится с утверждениями о 8,5 млн и 6% населения?

Противоречивы и суждения Иванова об изменении числа «наркопотребителей». Если в одних выступлениях он заявляет: «еще недавно число наркоманов стремительно увеличивалось: за пять лет – на три с лишним миллиона человек» (26.06.2014), то в других констатирует: «количество потребляемых наркотиков и уровень наркомании в стране не увеличивается, но сохраняется на высоком уровне уже более 10 лет» (01.03.2013).

Подчас Виктор Иванов не довольствуется однозначными числами и расширяет размеры ситуации до десятков миллионов человек, используя стратегию конструирования широко распространенной проблемы¹. По словам Иванова, поскольку наркотики – это проблема «в первую очередь» родственников, близких и окружающих, она затрагивает «жизнь и интересы как минимум 40 миллионов граждан России» (18.06.2014). В разных выступлениях главы ФСКН эта величина варьируется от 30 до 50 млн (02.12.2013 и 01.03.2013).

Расширяет Иванов и масштаб экономических потерь, утверждая, что потребление наркотиков «подрывает экономику страны»:

8 миллионов наркопотребителей ежедневно [хотя ранее Иванов отмечал, что к этой категории ФСКН относит людей с разной степенью регулярности потребления – И.Я.] тратят на наркотики 4,5 миллиарда рублей и тем самым выводят из ВВП страны до полутора триллионов рублей ежегодно, что в полтора раза выше чем бюджет министерства обороны и в 3,5 раза – бюджета министерства здравоохранения. Более

¹ Об этой и других стратегиях конструирования социальных проблем писала Донилин Лосеке (Loseke 1999: 81–93).

того, реальный ежегодный ущерб экономике страны составляет цифру в 3 раза большую, т. е. как минимум 4 триллиона рублей (1.12.2014).

Наркотики как «мегапроблема»

ФСКН создает образ наркомании как проблемы мирового масштаба, порождающей целый ряд других проблем, включая организованную преступность, экстремизм, терроризм, сепаратизм, пиратство, коррупцию, экономические и демографические проблемы: «наркомания стала системообразующим элементом преступности в стране» (19.02.2013), «наркопотребление не только криминализует молодежную среду, но и критически ухудшает демографические показатели в обществе» (23.04.2013).

Производство наркотиков в Афганистане называется «главной проблемой, стоящей перед мировым сообществом», «мощным генератором всего спектра угроз», «универсальной гибридной угрозой, пронизывающей все поры общества». Иванов рисует апокалиптическую картину «планетарного наркопроизводства», «похожих на цунами наркопотоков, плодящих насилие, коррумпирующих и сметающих всё на своём пути» (10.09.2014) и сравнивает их с «космической силой» (05.12.2013).

Очевидно, что такой акцент снимает с ФСКН часть ответственности за отсутствие улучшений ситуации с потреблением наркотиков в России. Ведомство утверждает, что незаконный оборот наркотиков превратился в острейшую международную проблему, подрывающую основы не только национальной, но и международной безопасности, а внешняя «наркоагрессия» является доминирующим фактором формирования «наркоситуации» в нашей стране.

В риторике ФСКН отчетливо просматриваются претензии на контроль не только за проблемой наркотиков, но и за проблемой терроризма, находящейся в ведении ФСБ:

Экстремизм, терроризм и, в целом, рост насилия – явления производные, по сути, вторичные по отношению к двум центрам планетарного наркопроизводства. При этом лишь делом вкуса или политических пристрастий является способ объяснения разрастающегося терроризма в Центральной Америке, Западной Африке или Центральной Азии – можно ссылаться на исламский радикализм, Аль-Каиду, ее клоны в Мали, Ливии, Сирии, или на происки Талибана. Однако ответ здесь один – афганский героин и южноамериканский кокаин (05.06.2013).

Стоит отметить, что после присоединения Крыма и реакции США на действия России в отношении Украины риторика Иванова приняла отчетливо выраженный антиамериканский характер, не свойственный ей ранее: «США всё в большей степени через кокаин интегрируют Европу в трансатлантическое "наркоединство"» (10.09.2014).

Словарь ФСКН

ФСКН создала особый словарь, первая часть которого подчеркивает величину проблемы, уподобляя ее стихийным бедствиям: «синтетическое наркоцунами», «амфетаминовое цунами», «героиновое цунами», «нарковулкан», «героиновый вулкан», «губительная наркотическая лава», «лавинообразный рост поставок», «наркоайсберг», «наркомонстр», «вспышка отравлений», «эпидемия», «угроза номер один для Российской Федерации», «героиновая агрессия против населения России», «гигантская армия наркопотребителей», «наркокластер», «планетарный наркофеномен», «истребление российской молодежи афганским героином», «10-балльный шторм синтетических наркотиков», «маковое нашествие» и так далее.

Другая часть словаря акцентирует характер и эффективность усилий ведомства по сопротивлению «глобальной наркоугрозе»: «денаркотизация общества», «антинаркотический трек», «форсированная мобилизация ФСКН», «национальная антинаркотическая вертикаль», «вертикаль обеспечения антинаркотической безопасности», «единая вертикально интегрированная антинаркотическая система», «антиспайсовый тотальный прессинг», «эпидемия блокирована», «ситуация купирована», «группировки разгромлены», «каналы перекрыты», «антинаркотический интернационал», «разрушение наркосбыта на атомарном уровне», «секьюритизация проблемы» и прочее.

Характерно, что риторика ФСКН имеет сходство с военной терминологией и терминологией спецслужб. Глава службы репрезентирует ее через состояние войны, о чем свидетельствуют следующие риторические конструкции: «концентрированное химическое оружие [о героине]», «парамилитарные наркогруппировки», «по-снайперски прицельный огонь наркомафии со всех сторон», «полуторамиллионная армия героиновых потребителей», «боеспособный профессиональный коллектив [о ФСКН]», «реальные, боевые дела», «система участковых как социальная разведка», «воевать со штабами и живой силой противника», «наркоплацдарм», «наркоагрессия», «в полномочиях Совета Федерации объявлять войну, вот нам сегодня необходимо это сделать», «битва за нашу молодежь», «ущерб только от сконцентрированного наркопроизводства сопоставим с потенциальным ущербом от ядерного оружия».

Противник – «наркомафия» – представляется как чрезвычайно сильный и умелый:

Против нас работают современные сетевые технологии и методы спецслужб, прежде всего, разведки, в том числе её самой сложной и элитной части – агентурной разведки. Тайники, закладки, бесконтактное взаимодействие, шифрованная связь, анонимные цифровые денежные трансакции – всё это из арсенала специальных служб (24.12.2014).

Показательным является также самоопределение Виктора Иванова как «чекиста»: «Профессиональным языком чекистов это называется отвлечением на негодный объект» (27.09.2013).

Демонстрация эффективности и запрос на расширение финансирования и полномочий

Значительную часть выступлений главы ФСКН занимает убеждение аудитории в успешности ведомства. С этой целью предпринимается ряд ходов. В частности, глава службы оперирует данными о тоннах изъятых наркотических веществ, избегая оценок того, какую долю объема наркотических веществ ФСКН удастся изымать с рынка. Нередко решение обеих задач – демонстрация эффективности службы и подчеркивание неизменной тяжести ситуации – совмещается. Именно таким образом можно прочесть заявления Иванова о пятидесятипроцентном росте объемов перехваченных опиатов, тридцатипроцентном росте перехватов афганского героина, а также – стопятидесятипроцентном росте объемов перехваченных синтетических препаратов (23.07.2014).

Глава ФСКН неоднократно ставил в заслугу своей службе сокращение уровня смертности среди молодежи в возрасте от 15 до 34 лет, начиная с 2007 г.:

Достигнутый максимум в 2006 году в 140 тысяч смертей сменился устойчивым спадом и корреспондируется с усилением антинаркотической политики государства и созданием в 2003 году специализированного органа исполнительной власти – ФСКН России. Добрая половина в сокращении смертности молодежи – это, по нашим оценкам, вклад правоохранительных органов, то есть нашей совместной скоординированной работы. Тем не менее, наркоситуация в стране остается крайне напряженной (27.09.2013).

При этом в выступлениях Иванова нет обоснований сокращения смертности среди молодежи в результате действий именно ФСКН.

Следует отметить, что подчеркивание остроты ситуации вместе с информированием об успехах службы является постоянным приемом главы ФСКН:

Локальные группировки распространителей этой заразы разгромлены, каналы поступления нового вещества в регионы перекрыты. Ситуация купирована. Возможная эпидемия на этот раз блокирована. Вместе с тем необходимо отдавать отчет, что масштаб проблемы стремительно нарастает! (6.10.2014).

Такого рода заявления могут касаться спайса или поставок пищевого мака, но формула «мы действуем успешно, но угроза нарастает» или «угроза нарастает, но мы действуем успешно» остается неизменной:

Можно говорить о серьезном маковом нашествии на нашу страну как изоциренной форме новой наркоагрессии против Российской Федерации, но, тем не менее, благодаря активной позиции службы нам удалось снизить рынок ацетилированного опия и маковой соломы приблизительно на 50 процентов (28.08.2013).

Еще одной особенностью риторики ФСКН является противопоставление ее успешности предполагаемой неэффективности других силовых ведомств:

За минувшие пять лет 83 % всех ликвидированных организованных преступных группировок – это результат работы ФСКН России по подрыву инфраструктуры и сетей крупной организованной наркопреступности. То есть, из 55 тысяч осужденных наркомафии – более 45 тысяч отправлено за решётку нашей службой, что в 4,5 раза превышает совокупный результат наших коллег. <...> Результатом целенаправленной работы нашей службы является 1393 расследованных уголовных дела по отмыванию и легализации финансовых средств, в то время как у всего пула остальных правоохранительных структур – 8 дел, то есть по этому важнейшему направлению ФСКН России действует в 173 раза продуктивнее (12.12.2014).

Для выступлений и интервью Иванова характерен акцент на необходимости финансирования, связываемой со значимостью проблемы:

Наркоугроза является одной из острых проблем для России. Она угрожает не только жизни и здоровью граждан, но и национальной безопасности. Поэтому что касается выделения финансовых средств... представьте, что идет война, а мы говорим, что воевать не будем, так как у нас нет денег. Это абсурдная ситуация. Надо решать проблему (29.04.2013).

При этом ФСКН предлагает не просто повышать финансирование службы, а осуществлять разработанные ею многомиллиардные проекты. Одним из них была «Российская корпорация сотрудничества со странами Центральной Азии», на которую только на стартовом этапе требовалось два миллиарда рублей (29.04.2013). Другим мегапроектом ФСКН является государственная программа «Комплексная реабилитация и ресоциализация лиц, потребляющих наркотические средства и психотропные вещества в немедицинских целях». На программу первоначально запрашивалось 150 миллиардов рублей, примерно по 20 в год на 7 лет (15.03.2013). Программа предполагает «локализацию значительного количества, до 150 тысяч, наркопотребителей в специализированных реабилитационных центрах на продолжительное не менее одного года время» (27.09.2013), ее реализация означает расширение полномочий и полный контроль ФСКН за сферой реабилитации людей, зависимых от наркотиков.

Экономическое обоснование программы представляется в характерной для ФСКН стилистике триллионных сумм:

Материальный ущерб от наркотиков в России сравним с затратами на всю систему здравоохранения и составляет 3–5% ВВП, то есть 2–3 триллиона рублей ежегодно. Следовательно, за эти 7 лет к 2020 году Россия практически гарантированно должна потерять более 14 триллионов рублей. Через организацию программы комплексной реабилитации мы, потратив в 100 раз меньше средств, сохраним государству не менее 3 триллионов рублей, а с учётом ежегодного возвращения к активной экономической деятельности порядка 100 тысяч человек – порядка 3,5 триллионов (15.03.2013).

Риторика «контролируемого бедствия»

Анализ терминологии ФСКН позволяет сделать вывод о том, что ведомство использует элементы риторики опасности. Об этом свидетельствует, в частности, представление ситуации как «эпидемии» («угрозы», «заразы») и характерные для данной риторической идиомы игры в научную аргументацию (ссылки на «социологические», демографические и медицинские данные). Изучение выступлений Иванова начала 2015 г., выходящих за очерченные хронологические рамки, позволяет выдвинуть предположение о дальнейшем расширении «научной базы» утверждений ФСКН о тяжести ситуации. В частности, в одном из недавних выступлений Иванов сообщил со ссылкой на результаты «совместной работы со службой судебно-медицинской экспертизы» об обнаружении наркотиков в 800 случаях патолого-анатомических вскрытий тел молодых людей из тысячи (19.02.2015).

Однако главным риторическим форматом, используемым ведомством, является риторика бедствия, создающая образ катастроф: как природных (цунами, извержение вулкана, наводнение), так и военных и техногенных (нашествие, применение оружия массового поражения – химического и ядерного). Подтверждением центрального места этой риторической идиомы в выступлениях главы ФСКН является используемая им терминология (словарь), а также стремление службы представить ситуацию с наркотиками как мегапроблему, лежащую в основании целого ряда других проблем.

Вместе с тем постоянное совмещение заявлений о «надвигающейся опасности», «нарастающем масштабе», «крайней напряженности», «тяжести», «крайней остроте» ситуации с демонстрацией успехов ФСКН позволяет утверждать, что ведомство использует новую разновидность данной идиомы, которая может быть названа риторикой контролируемого бедствия. Последняя представляет ситуацию как катастрофическую и в то же время успешно удерживаемую под контролем, то есть позволяет успешно решать обе части «двойной задачи», которая возникает перед ведомствами: задачи по одновременной демонстрации собственной эффективности и неослабевающей значимости «своей» проблемы, что служит основанием для притязаний на расширение полномочий и финансирования.

Наше исследование подтверждает применимость исследовательской программы Ибарры и Китсьюза с ее четырьмя измерениями дискурса социальных проблем (риторические идиомы, контрриторика, лейтмотивы и стили выдвижения требований) к анализу проблемы потребления наркотиков в России и показывает, что типы риторических идиом могут включать в себя подтипы, такие, как риторика контролируемого бедствия.

Перспективным направлением дальнейших исследований является анализ риторических игр других силовых ведомств – ФСБ и МВД – в отношении терроризма и преступности, сопоставление риторики, выявление общих идиом, лейтмотивов и стилей конструирования «приватизированных» ими социальных проблем, а также реакции на критику (контрриторики). Возможным и значимым представляется расширение предмета исследования за счет включения в него не только силовых ведомств, но и других организаций, ответственных за социальные проблемы. Такого рода исследования позволили бы выявить специфику риторических игр силовых структур, которая может быть связана с драматичностью контролируемых проблем и, как следствие, масштабом финансирования.

Выражения благодарности

Автор выражает признательность редакции «Новой газеты» за инициирование публичного обсуждения результатов исследования; Марии Мацкевич, Роману Дубровскому и Лилии Исхаковой за ценные замечания в ходе этого обсуждения, а также приглашенному редактору Сергею Давыдову и анонимному рецензенту данной статьи за важные предложения, которые были учтены при ее доработке.

Список источников

Богомягкова Е. С. (2010) Эвтаназия как социальная проблема: стратегии проблематизации и депроблематизации. *Журнал исследований социальной политики*, 8 (1): 33–52.

Бест Дж. (2001) Конструкционистский подход к исследованию социальных проблем. *Контексты современности – II*, Казань: Изд-во Казанск. ун-та: 164–175.

Бест Дж. (2007) Ограничения строгой конструкционистской интерпретации социальных проблем. *Социальные проблемы: конструкционистское прочтение*, Казань: Изд-во Казанск. ун-та: 115–144.

Ибарра П., Китсьюз Дж. (2007) Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы. *Социальные проблемы: конструкционистское прочтение*, Казань: Издательство Казанского университета: 55–114.

Кольцова О. Ю., Ясавеев И. Г. (2013) Конструирование проблемы полицейского насилия в российской блогосфере: риторика, лейтмотивы и стили. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 16 (3): 81–100.

Кристи Н., Бруун К. (2004) *Удобный враг: политика борьбы с наркотиками в Скандинавии*, М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия.

- Мейлахс П. (2004) Дискурс прессы и пресс дискурса: конструирование проблемы наркотиков в петербургских СМИ. *Журнал социологии и социальной антропологии*, (4): 135–151.
- Ним Е. Г. (2010) О социологах, телеведущих, рыцарях и чучелах: деконструкция медиадискурса социальных проблем. *Журнал исследований социальной политики*, 8 (1): 13–32.
- Полач Д. (2010) Социальные проблемы с конструкционистской точки зрения. *Журнал исследований социальной политики*, 8 (1): 7–12.
- Яковлева А. А. (2014) Антинаркотическая визуальная социальная реклама как часть дискурса государственной власти о наркополитике. *Социологическая наука и социальная практика*, (1): 90–109.
- Becker H. S. (1963) *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*, New York: The Free Press of Glencoe.
- Becker H. S. (ed.) (1966) *Social Problems: A Modern Approach*, New York: John Wiley and Sons.
- Gusfield J. R. (1989) Constructing the Ownership of Social Problems. *Social Problems*, 36 (5): 431–441.
- Gusfield J. R. (1981) *The Culture of Public Problems: Drinking-Driving and the Symbolic Order*, Chicago: University of Chicago Press.
- Loseke D. R. (1999) *Thinking About Social Problems: an Introduction to Constructionist Perspectives*, Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter.
- Reinarman C., Levine H. G. (1997) The Crack Attack: Politics and Media in the Crack Scare. C. Reinarman, H.G. Levine (eds.) *Crack in America*, Berkeley: University of California Press: 18–51.
- Spector M., Kitsuse J. I. (1977) *Constructing Social Problems*, Menlo Park, CA: Cummings.

Iskender Yasaveyev

THE RHETORIC OF CONTROLLED CALAMITY: THE CONSTRUCTING OF DRUG USE PROBLEM BY RUSSIAN FEDERAL DRUG CONTROL SERVICE

The article presents the results of a constructionist study into the rhetoric used by the Federal Drug Control Service of Russia (FDCS) in their efforts to control the flow of illegal drugs. Interactionist and constructionist studies of social problems demonstrate that the leaders and press-services of law enforcement organizations usually engage in a subtle rhetorical game, highlighting both the gravity of "their" problem, and, simultaneously, the success of their actions. This research considers the question of how the FDCS takes on the challenge of this "double task", which it does through various rhetorical devices. Also under consideration is how the service combines a demonstration of the grave seriousness, with reminders of their efficacy as an agency. This study analyzed over 70 speeches delivered by head of the FDCS, Viktor Ivanov, from January, 2013 till December, 2014. The use of a strict constructionist approach from the school of Peter Ibarra and John Kitsuse revealed the key features of agency's rhetoric: including metaphorical parallels with natural disasters, playing around with big numbers and presenting drugs as a "mega-problem" breeding crime, terrorism, extremism and piracy. These features correspond to the rhetoric of calamity. FDCS has created a special vocabulary which underlines the catastrophic character of the problem. Phrases such as "narco-tsunami", "narco volcano", "hero-in volcano", "number one threat for Russia" and "a giant army of drug users" give an indication of the style employed. However, the necessity to demonstrate the efficacy of the federal service demands the transformation of this rhetorical idiom into the one of "controlled calamity" which presents the situation as catastrophic but at the same time successfully kept under control. This rhetoric constitutes the basis for the demands to increase financing and authority of the FDCS, encouraging an expansion of their funding and influence into areas such as drugs rehabilitation programmes.

Key words: constructionism, social problems, claims-making, rhetoric, vernacular resources, drug use

References

- Becker H. S. (1963) *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*, New York: The Free Press of Glencoe.
- Becker H. S. (ed.) (1966) *Social Problems: A Modern Approach*, New York: John Wiley and Sons.

Iskender Yasaveyev – Doctor in Sociology, Senior Research Fellow at the Centre for Youth Studies, National Research University "Higher School of Economics" in St. Petersburg, Russia. Email: yasaveyev@gmail.com

- Best J. (2001) Konstruktsionistskiy podkhod k issledovaniyu sotsial'nykh problem [The Constructionist Approach to Social Problems]. *Konteksty sovremennosti – II* [Contexts of Modernity – II], Kazan: 164–175.
- Best J. (2007) Ogranicheniya strogoy konstruktsionistskoy interpretatsii sotsial'nykh problem [The Limitations of the Strict Constructionist Interpretation of Social Problems]. *Sotsial'nye problemy: konstruktsionistkoe prochtenie* [Social Problems: A Constructionist Reading], Kazan: 115–144.
- Bogomyagkova E. (2010) Evtanaziya kak sotsial'naya problema: strategii problematizatsii i deproblematizatsii [Euthanasia as a Social Problem: Strategies of Problematization and Deproblematization]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 8 (1): 33–52.
- Christie N., Bruun K. (2004) *Udobnyy vrag: politika bor'by s narkotikami v Skandinavii* [The Good Enemy: Narcotic Policy in the Nordic Countries], Moscow: Tsentri sodeystviya reforme ugolovnoy pravosudiya.
- Gusfield J.R. (1989) Constructing the Ownership of Social Problems. *Social Problems*, 36 (5): 431–441.
- Gusfield J.R. (1981) *The Culture of Public Problems: Drinking-Driving and the Symbolic Order*, Chicago: University of Chicago Press.
- Ibarra P., Kitsuse J. (2007) Diskurs vydvizheniya utverzhdeniy-trebovaniy i prostorechnye resursy [Claims-Making Discourse and Vernacular Resources]. *Sotsial'nye problemy: konstruktsionistkoe prochtenie* [Social Problems: Constructionist Reading], Kazan: 55–114.
- Koltsova O., Yasaveyev I. (2013) Konstruirovaniye problemy politseyskogo nasiliya v rossiyskoy blogosfere: ritorika, leytmotivy i stili [Constructing the Problem of Police Violence in the Russian Blogosphere: Rhetoric, Motifs and Claims-Making Styles]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 16 (3): 81–100.
- Loseke D.R. (1999) *Thinking About Social Problems: an Introduction to Constructionist Perspectives*, Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter.
- Meylakhs P. (2004) Diskurs pressy i press diskursa: konstruirovaniye problemy narkotikov v peterburgskikh SMI [The Discourse of the Press and the Press of Discourse: the Construction of the Drug Problem in the Saint-Petersburg Media]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], (4): 135–151.
- Nim E. (2010) O sotsiologakh, teledushchikh, rytsaryakh i chuchelakh: dekonstruktsiya mediadiskursa sotsial'nykh problem [About Sociologists, TV Presenters, Knights and Scarecrows: A Deconstruction of Social Problems by Media Discourse]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 8 (1): 13–32.
- Pawluch D. (2010) Sotsial'nye problemy s konstruktsionistskoy tochki zreniya [Social Problems in Constructionist terms]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 8 (1): 7–12.
- Reinarman C., Levine H.G. (1997) The Crack Attack: Politics and Media in the Crack Scare. C. Reinarman, H. G. Levine (eds.) *Crack in America*, Berkeley: University of California Press: 18–51.
- Spector M., Kitsuse J.I. (1977) *Constructing Social Problems*, Menlo Park, CA: Cummings.
- Yakovleva A.A. (2014) Antinarkoticheskaya vizual'naya sotsial'naya reklama kak chast' diskursa gosudarstvennoy vlasti o narkopolitike [Visual Anti-Drug Public Service ads as Part of the Authority Discourse of the Drug Policy]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice], (1): 90–109.